

22. Тресиддер Джек. Словарь символов. / Пер. с англ. – М.: Фанр-Пресс, 1999. – 488с.

23. Эткинд Е. «Демократия, опоясанная бурей» // Эткинд Е. Там, внутри. О русской поэзии XX века. / Е. Эткинд. – СПб.: Максима, 1995. – С. 114-132

Анотація. Ціль статті – проаналізувати художню специфіку, типи й функції іронії в поемі Блока «Дванадцять». Виявлено, що в поемі переважає сократовська іронія, підтримана іронією трагічної. Такий тип іронії, характерний для перехідних моментів історії, визначає авторську позицію в поемі «Дванадцять». Її характерною ознакою є подвійний зміст, який реалізується на всіх рівнях структури тексту. Доведено, що в основі композиції поеми Блока «Дванадцять» – структурний паліндром, що яскраво демонструє амбівалентну позицію автора.

Виявлено, що в поезиї іронії особливу роль відіграє карнавальний сміх. У поемі оригінально втілені й такі риси карнавальності, як профанація, карнавальні блюзнірства, словесні лайки, увінчання-розвінчання, карнавальні мезальянсы. Іронія, як і карнавальний сміх, реалізується в пародії й тревестії.

Ключові слова: модернізм, іронія, структурний паліндром, карнавальність, пародія, амбівалентність.

Summary. The purpose of the article is to analyze the artistic specificity, types and functions of irony in the poem “Dvenadtsat” (The Twelve) by A. Blok. Some aspects of the contemporary approaches to irony studying are considered in the paper. It is declared that the questions of the definition of irony have not been solved yet and there are not any monographs devoted to systematic study of historical and cultural types of irony. Most of the researches are aimed to reveal the functions of irony of 20th-century literature in the works by some author or literary trend. It is noted that there are some approaches to understanding irony: irony as a category of the Comic; irony as a world view; irony as a stylistic device.

It is stated in the article that Socratic irony (negation as an only truth) supported by tragic irony dominates in A. Blok’s world view. This type of irony is characteristic for transitional periods of history and it precisely describes the author’s position in “Dvenadtsat”. Its distinctive feature is a double meaning that is realized at any level of the text structure. The composition of the poem “Dvenadtsat” is proved to be based on a structural palindrome that demonstrates the ambivalent position of the author.

It is displayed that the “reduced carnival laughter” that is expressed in Socratic irony (according to M. Bakhtin) plays the special role in the poetics of irony. The duality of the author’s position determined by the ambivalent nature of carnival laughter is the most visible as regards the twelve. Such categories as profanation, carnival sacrilege, verbal squabbles, carnival performance of crowning and dethroning, carnival “liberties” and carnival mésalliances get their original embodiment in the poem. Irony and carnival laughter as well are realized in parody and travesty.

So, irony in the poem “Dvenadtsat” (The Twelve) by A. Blok is represented in different ways: it is a world view, a consciousness type, and a state of spirit in ontological aspect; it performs the structure-forming function and is used as a stylistic device.

Key words: modernism, irony, structural palindrome, carnivalesque, parody, ambivalence.

Отримано: 11.07.2015 р.

УДК 82-311.2

Йовдий В.Я.

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ» ПАНАИТА ИСТРАТИ

Имя французского писателя румынского происхождения Панаита Истрати (1884–1935) неизвестно отечественному читателю. Между тем в антологии КРА он назван в числе двадцати пяти лучших французских прозаиков XX века, будучи при этом, вероятно, самым «нефранцузским» художником, поскольку его творчество находилось вне французской литературной традиции и не подвергалось французскому литературному влиянию.

Творчество Истрати развивалось необыкновенно динамично: за небольшой период (с 1923 г. до конца жизни) им было написано восемь книг. Первая – «Кира Киралина» (1923) – имела огромный успех и об Истрати заговорили как о литературном открытии. Французского читателя заинтересовала тематика произведений румынского «француза» и нетипичная для французской литературы своеобразная сказовая манера повествования, в основе которой подлинные откровенные свидетельства самого автора.

Панаит Истрати пришёл в литературу сложившимся человеком, за плечами которого был чрезвычайно тяжёлый жизненный опыт, полный трагических переживаний, обогативших творческое сознание художника: «Мне было суждено на моем жизненном пути воспевать судороги голода, холодные ночи, проведенные без крова, под открытым небом, блох, подбираемых со всех скамеек, страдания побежденных жизнью людей», – писал Истрати в своей автобиографии [1]. Черпая свои сюжеты, подобно Горькому, из низов современного общества (Ромен Роллан называл Истрати «балканским Горьким»), он изобразил типы румынского общества «из низов»: «Я испробовал все ремесла, на которые способен человек, вынужденный зарабатывать свой хлеб. В Египте и в Малой Азии, в Греции и в Италии, во Франции и в Швейцарии, повсюду я принимал то, что мне предлагали: грузчик на вокзалах и в портах, подручный на верфях, лакей в гостиницах, кухонный мальчик в ресторанах, гарсон в пивных, кузнец, сеятель ... телеграфных столбов, землекоп, наклейщик афиш, фигурант в цирковых пантомимах, шофер сельскохозяйственного трактора, аптекарский ученик, пыльщик, газетный экспедитор, странствующий фотограф и т.д.» [1]. Пройдя необыкновенно трудную школу жизни «босяка», бродяги, десятилетиями скитавшегося по странам мира, Истрати факты собственного жизненного опыта и многолетние впечатления сделал основой своих произведений, а «сражение со своей судьбой» – главной темой творчества, в котором доминировали два, казалось бы, исключаящих друг друга лейтмотива: бунтарства и этицизма. Столь противоречивое соединение, тем не менее, было органично для мировосприятия самого Панаита Истрати. Двойственная природа бунтаря, протестанта и, одновременно, непротестанца ярко проявилась и в литературном творчестве писателя.

Главными героями истратевских произведений были деклассированные элементы или представители крестьянского сословия (в том числе и крестьянские бунтари-гайдуки). Как и сам Истрати, его герои не приемлют капиталистическую действительность, открыто восстают против социальной несправедливости, однако при этом этот бунт бесплоден, поскольку обращён не на преодоление несправедливости, а на отказ от действительности. Истратевские бунтари, как и сам автор, пытаются разрешить глубочайшие социальные противоречия в пределах собственной индивидуальности. Бунт становится самоцелью, бунтом ради бунта.

Мотивы бесплодного восстания, трагические и неопределённые противоречия, ведущие в тупик, своеобразно преломляются в образах истратевских бунтарей, которые являются яркими представителями «лишних людей», близкого самому Панаиту Истрати человеческого типа, к которому, вероятно, относился и сам писатель. Эти герои во многом и определяют глубинную семантику произведений писателя, поскольку являются «сюжетообразующими» героями (по терминологии Ю.М. Лотмана): «Поэтика сюжета в романе – это в значительной мере поэтика героя, поскольку определенный тип героя связан с определенным же сюжетом» [2, 714].

Таких героев можно выделить «в класс» по наличию общих признаков, закрепленных за ними генетически: им свойственно общее начало (инвариант), культурные первоосновы, сходные характеристики. Общие «качества» подобных героев стали основанием типологической «длинной линии» «лишний человек», которая и по сей день является наиболее часто употребительным типологическим определением центрального героя русской классической литературы. По наблюдению А.А. Фаустова, в этом литературном типе выделяется несколько постоянных модусов значений: чужой в окружающей среде; «сверхштатный», лишенный места и замкнутый в себе; «отвлеченный человек»; беспочвенный; человек, лишенный на земле своего места [3, 66]. Все эти качества в полной мере обнаруживаются в образах истратевских «лишних людей»: Кодине («Кодин»), Кире-Николе («Кира Киралина»), Дими, Ангеле («Дядя Ангел»), гайдуках («Представление гайдуков»).

В связи с проблемой сюжетообразующих героев, обратим внимание на характерный для Истрати приём – образ «раздвоенного» героя: персонажи румынского писателя всегда являются продолжением друг друга: если какая-либо тенденция намечается в одном из них, она обязательно будет продолжена в другом. По сути, истратевские персонажи являются вариантами одного образа (одного инварианта). Таковы Кодин и его «продолжение» – Кир-Никола, дядя Дими и дядя Ангел.

В повести «Кодин», которая написана как автобиографический рассказ (повествование ведётся от имени Адриана Зограффи – «авторская маска» Истрати), в центре повествования образ Кодина, который подан автором как романтический герой. Речь идёт не только о преувеличенной масштабности образа, подчёркнутой патетичности, красочности, но и в попытке автора поднять своего героя над действительностью, создать героический ореол.

Кодин – богатырь порта и убийца, один из наиболее ярких образов, созданных Истрати. Это яркая мощная индивидуальность, энергичный, волевой, активный герой. Он выделяется не только своим гигантским ростом и умением работать, своей силой в драках и биографией каторжанина, но и своим умом и выдержкой, которая определялась «бывалыми» людьми в таких словах:

«никто не сумеет спороть живот или проткнуть сердце с большей ловкостью, чем Кодин» [3, 34]. Кодин не только не приемлет современную действительность, не приемлет само общество и цивилизацию как организованную систему лжи и насилия. Создается впечатление, что автор, протестующий против социальной действительности, создает образ, который не только является проводником авторских устремлений, но и служит своеобразным романтическим дополнением к реальной действительности. Однако выясняется, что действительность победила, а стихийный бунтарь Кодин превратился в «лишнего человека», даже в человека «с трещинкой». Волевой Кодин вдруг предстаёт перед читателем как «человек с отравленной кровью», сомневающийся, разочарованный, бездействующий, не нашедший своего места в жизни герой. Горькие признания превращают героического протестанта в беспочвенного мятущегося искателя. Правда жизни, свойственная Истрати-художнику, привела его к непроизвольному разоблачению своего героя.

Своеобразным «продолжением» образа убийцы Кодина является добрый булочник Кир-Никола. Он также не верит в «прекрасное и истинное», потому что оно служит только богачам и эгоистам, не верит книгам, потому что они лгут и не отвечают реальности «серьёзной» жизни. В отличие от Кодина, который всё же способен на протест, Кир-Никола покорный, законопослушный и разочарованный герой, мечтающий «быть братом всех людей» и при этом «всюду лишний», не способный на любой протест, вполне приспособившейся к своему положению. Здесь обращает внимание авторская точка зрения: романтические краски, которые использует Истрати в изображении бунтаря Кодина сменяются реалистическим, бытовым, даже приземлённым изображением Кира-Никола. Повествование о герое дополняется собственными авторскими этико-философскими рассуждениями. Здесь писатель прибегает к усложнению нарративного приёма: его мысли представляют собой рефрен, сопровождающий рассказ. Создавая романтический образ бунтаря-отрицателя, Истрати одновременно погружает своего героя в этическую рефлексию, нивелирует его протестный пафос, изображая героя как сомневающегося непротивленца.

Герои Истрати – мятущиеся одиночки с мелкобуржуазными корнями, ищущие смысла жизни и всегда оказывающиеся «лишними людьми» на обочине жизни.

Кодин и Кир-Никола вынуждены искать счастье в городе, а их «отцы» продолжают жить в нищей румынской деревне. Дими и Ангел представляют собой старшее поколение таких персонажей, как Кодин и Кир-Никола (повести «Ночь на болотах», «Дядя Ангел»).

Среди деревенской нищеты выделяется дядя Дими, задавленный нуждой бедняк, жизнь которого «была сущей кабалой, хотя и считалась свободной» [3, 28]. Дими отчаянно борется с бедностью, однако он стоит на грани разорения, его обескровленное хозяйство не имеет шансов выжить в сложившихся кризисных условиях, поэтому герой обречён. Рано или поздно он будет выбит из крестьянской колеи и пополнит отряд деклассированных элементов, а его дети, вероятно, станут такими же бунтарями, как Кодин. «Продолжением» Дими является образ ещё одного «лишнего человека» – дяди Ангела. В повести показана последовательность деградации героя, которая является следствием трагедии хозяйственного упадка. Панаит Истради последовательно и схематично показывает деградацию героя. Вначале повествования Ангел – активный «накопитель», затем – крепкий хозяйственник, в зените расцвета. Кризис подрывает хозяйственную стабильность героя и приводит его к полному разорению, а самого Ангела превращает в пьяницу, бродягу и пессимистического философа, вполне осознающего глубину собственного падения.

Таким образом, и Дими, и Ангел представляют собой варианты одного инвариантного образа. Оба являются представителями разоряющегося крестьянства, которое порождало гайдуков, «босяков», бродяг. Выбитые из привычной колеи крестьянского уклада, вынужденные искать счастье в городе, подобные герои пополняли армию бунтарей и деклассированных элементов, превращаясь в лишних людей.

Список использованных источников

1. Истрати П. Автобиография : [Электронный ресурс] / П. Истрати. – Режим доступа : <http://enews.md/articles/view/1329/>
2. Истрати П. Дядя Ангел. Рассказы / Панаит Истрати / пер. О.М. Новиковой; под ред. И.А. Новикова. – М. – Л. : ГИЗ, 1926. – 246 с.
3. Истрати П. Кодин / Панаит Истрати / пер. Вл. Левицкого. – Х. : Пролетарий, 1927. – 132 с.
4. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю.М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб. : «Искусство – СПб», 2000. – С. 712-729.
5. Фаустов А.А. К литературному генезису термина «лишний человек» / А.А. Фаустов // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 1. – Воронеж, 1993. – С. 64-72.

Анотація. У статті увага акцентується на сюжетоутворюючих героях Панаїта Істраті. Головними героями творів письменника були декласовані елементи та представники селян (у тому числі й бунтівники-гайдуки). Як і сам автор, його герої не приймали сучасну дійсність, відкрито виступали проти соціальної несправедливості. Проте істратівські герої намагалися соціальні протиріччя вирішувати у межах власної індивідуальності, перетворюючись у «зайвих людей» свого часу. Ці персонажі є сюжетоутворюючими героями із подібними характеристиками і спільним генетичним кодом. Саме це дає підстави розглядати їх як окремий тип («зайві люди»). Істратівські герої генетично походять від одного інваріанту і уявляють собою варіанти одного образу.

Ключові слова: герой, образ, «зайва людина», семантика, поетика.

Summary. The article is devoted to the problem of plot characters in the works of French-speaking writer of Romanian origin Panait Istrati. His own life experience and an unusual fate of the writer lies at the heart of the writer's works.

The main heroes of his works were representatives of the peasant class (including grooms-rebels) and their descendants. As Panait Istrati himself, his characters do not accept the reality of a modern open revolt against social injustice but it is not their rebellion that grows into open confrontation, it is not converted to overcome injustice or to refuse it. Heroes of Panait Istrati try to solve deep social contradictions within their own individuality and to become the «superfluous men» of their time. These characters are determined by the writer depth semantics, they are the heroes of plot with similar characteristics that allow them to allocate into a separate class within the common signs essence assigned to them genetically. The given article focuses on the basic components of the concept of «superfluous man» and its embodiment in the images of Panait Istrati.

An important feature of the Istrati's poetics of images is a «forked» hero. Characters of the Romanian writer are always the continuation of each other. Target trend in the image of one hero continues within the other. The genetic proximity of Istrati's characters suggests a single invariant for them. The author's characters are based on the same invariant and represent variants of a single image. At the same time they share some common characteristics. The most important are the following: a stranger in the environment, devoid of his place on the ground, closed, rootless character. This community can be attributed to the heroes of the works of Panait Istrati to the famous literary type of «superfluous man».

Key words: hero, the “superfluous men”, semantics, poetics.

Отримано: 24.07.2015 р.

УДК 811.112.2'27

Казимір В.О.

DER WORTSCHATZ DER UNMITTELBAREN GEGENWART (ZUM PROBLEM DER ENTWICKLUNG DER UMGANGSPRACHE)

Nach 1945 hat sich die Hochsprache (Standardsprache) immer mehr der Umgangssprache gegenüber geöffnet. Der formvollendete Stil der Dichter des 19. Jahrhunderts wurde jetzt nicht mehr als Norm gesetzt. Das zeigt sich vor allem in der gesprochenen Standardsprache, in die zunehmend umgangssprachliche Formen und landschaftliche Eigenheiten in den letzten 40 Jahren eingeflossen sind. Auch in Rundfunk, Fernsehen und Film wurde nach 1945 in eher zwangloser, salopper art und Weise gesprochen.

Dieser Artikel ist einigen Aspekten der Erforschung der lexikalischen Einheiten gewidmet, die in der deutschen Umgangssprache verwendet werden. In der Sprachwissenschaft gibt es Publikationen, die die Umgangssprache betreffen. Diese Frage wird von nächsten Forschern untersucht, wie Fleischer W., Michel G., Starke G., Sommerfeldt Karl-Ernst, Riesel E. Braun P., Drosdowski G., Henne H. und andere. In der vorliegenden Abhandlung wird die Erforschung der umgangssprachlichen Wörter weiter fortgesetzt.

Höhere Mobilität, Fremdenverkehr, Massenmedien, elektronische Datenverarbeitung, U-Musik und anderes beschleunigen heute die alltägliche Sprachentwicklung. Andererseits verlangsamende Wirkungen zumal des Fernsehens und aufgelockerte Dialektgrenzen den Wandel auch etwas.

Ohnehin lehnt sich die formelle Beschreibung einer Sprache an die Umgangssprache an. Die Hochsprache nimmt Elemente aus der Umgangssprache auf und verändert ihren Sprachgebrauch ge-